

жался въ такомъ смыслѣ о Польшѣ. Эти Поляки, говорилъ онъ, неисправимые и безумные поджигатели (*boutes-feu incorrigibles et sans consistance*), ихъ нелѣпыя мечты не должны давать повода къ нарушенію спокойствія Европы. Я дорожу добрыми отношеніями съ Россіею“.

Несогласія въ
семействѣ На-
полеона.

Среди семейства французскаго императорскаго дома замѣчались въ это время несогласія. Императоръ былъ недоволенъ принцемъ Наполеономъ, императрица Евгенія интриговала противъ принцессы Матильды и рѣзко выражала свое презрѣніе принцу Наполеону.

Рѣчь въ се-
натѣ принца
Наполеона.

Мы видѣли, что гр. Киселевъ не раздѣлялъ „слишкомъ передовыхъ взглядовъ краснорѣчиваго оратора въ сенатѣ“. Слова эти относились къ запальчивой рѣчи, произнесенной принцемъ Наполеономъ перваго марта въ сенатѣ, по поводу итальянскихъ дѣлъ. Въ пространной рѣчи, которая продолжалась нѣсколько часовъ, принцъ доказывалъ, что Австрія, неаполитанскій король и правительство папы положительно сдѣлали все, чтобы парализовать выполненіе виллафранкскихъ условій, и что если въ чемъ и можно укорить короля Виктора-Эммануэля и Кавура, то развѣ только въ томъ, что они не объявили открыто, что цѣль ихъ политики — объединеніе Италіи; что, конечно, съ точки зрѣнія абсолютнаго права, нельзя оправдывать вторженіе въ Сицилію и занятіе неаполитанскаго королевства и части папскихъ владѣній, но наступило время привести въ дѣйствіе политическую аксіому, гласящую, что „спасеніе народа есть высшее и единственное законное право“ (*le salut du peuple est la suprême loi; la seule légitime*); затѣмъ онъ сравнивалъ свѣтскую власть папы съ надтреснувшюю посудиною, изъ которой—течь во всѣ стороны, и потому предлагалъ совершенное ея упраздненіе; разгораясь все болѣе и болѣе, онъ, безъ всякой надобности, дерзостно обвинялъ Австрію, папу, кардиналовъ, епископовъ, неаполитанскаго короля, всѣхъ Бурбоновъ и въ особенности принцевъ орлеанскаго дома; „пусть попробуютъ партіи, враждебныя императорскому правительству сдѣлать высадку на территорію Франціи“, закончилъ онъ, „мы, не колеблясь, разстрѣляемъ ихъ“.

Памфлетъ
принца Омаль-
скаго.

Справедливо разгнѣванный принцъ Омальскій напечаталъ брошюру подъ заглавіемъ: „письмо принцу Наполеону объ исторіи Франціи ¹⁾“. Брошюра эта,—о которой, на другой же день ея появленія, было опубликовано, что изданіе ея конфисковано,—мгновенно распространилась по всей Франціи и всѣ могли прочесть въ ней рѣзкое описаніе продѣлокъ фамиліи Бонапарте, а также болѣе чѣмъ снисходительное отношеніе къ этимъ продѣлкамъ короля Людовика-Филиппа. Въ заключеніе говорилось, что Людовикъ-Наполеонъ, за свои двукратныя попытки произвести возстаніе въ Страсбургѣ и Булони, не былъ разстрѣлянъ; что это, конечно, была ошибка, но что такова уже была политика орлеанскаго дома, порицаемая принцемъ.

Говорили тогда, что герцогъ Омальскій вызвалъ на дуэль принца Наполеона, но что послѣдній не принялъ вызова.

Когда гр. Киселевъ, 27-го апрѣля, былъ у принцессы Матильды, она сказала ему, между прочимъ: *mon frère est aplati par la brochure du duc d'Aumale, il n'est pas un poltron, ni un lâche; je le dis malgré que nous soyons en froid, parce que j'en ai la certitude, mais en même temps je ne le crois pas guerroyeur—ce n'est pas sa nature. L'impératrice l'a traité l'autre jour avec une grossièreté inconvenante; il n'a rien répondu.*

Принцесса
Матильда
оправдываетъ
своего брата.

Императрица Евгенія дѣйствительно не любила принца Наполеона, постоянно интриговавшего противъ императора и императрицы; она не скрывала своей радости, когда онъ пристыженъ былъ брошюрой герцога Омальскаго, и въ гостиную ея постоянно видѣли на столѣ раскрытою эту брошюру, что еще болѣе способствовало распространенію толковъ объ этомъ приключеніи съ неутомимымъ принцемъ.

Императрица не любила и сестру принца, принцессу Матильду; послѣдняя, рассказывая графу Киселеву о происходившей въ церкви инвалидовъ церемоніи, по случаю окончательнаго перенесенія останковъ Наполеона I, сказала ему: „Устраненіе отъ участія въ этой церемоніи единственной племян-

¹⁾ Lettre sur l'histoire de France, adressée au Prince Napoléon.

ницы Наполеона I (т.-е. ее самой, принцессы Матильды) есть продѣлка *Испанки* (un tour de l'Espagnole)“.

Вторичная запальчивая рѣчь принца Наполеона въ сенатѣ.

Принцъ Наполеонъ и послѣ объясненій въ январѣ мѣсяцѣ съ гр. Киселевымъ не переставалъ обнадеживать Поляковъ. Въ рѣчи, сказанной имъ въ сенатѣ 19 марта, онъ, между прочимъ, говорилъ: „Будьте увѣрены, что императоръ что нибудь да сдѣлаетъ для Польши... какъ? какими путями? сказать вамъ не могу, я не имѣю подъ руками портфеля Меттерниха, но императоръ что нибудь сдѣлаетъ въ пользу Польши (Soyez sûr que l'Empereur fera quelque chose pour la Pologne... comment? par quels moyens? je ne saurais vous le dire, je n'ai pas devant moi le portefeuille de Metternich; mais l'Empereur fera quelque chose pour la Pologne)“¹⁾.

Князь Адамъ Чарторижскій.

Въ Парижѣ давно группировались польскіе выходцы около князя Адама Чарторижскаго, поселившагося съ 1831 года въ отелѣ „Lambert“. Бывшій министръ иностранныхъ дѣлъ Императора Александра I, при всемъ своемъ сочувствіи къ судьбамъ отечества (Поляки называли его конституціоннымъ королемъ Польши), признавалъ однако всю тщету попытокъ къ возсозданію независимой Польши, теперь немыслимой, и въ рѣчи, произнесенной 29 ноября 1860 г., за два мѣсяца до варшавскихъ смутъ, уговаривалъ соотечественниковъ покориться своей судьбѣ и не разчитывать на чужеземную помощь²⁾.

Торжественная панихида въ церкви св. Роха.

Поляки не слушали предсмертныхъ словъ своего ветерана-патріота (онъ вскорѣ, 15 іюля 1861 г., сошелъ въ могилу) и 3 мая, въ годовщину конституціи 1791 года, служили въ церкви св. Роха торжественную панихиду по убитымъ въ Варшавѣ.

„Проповѣдникъ Minjard³⁾, доминиканецъ,“ записано въ дневникѣ гр. Киселева, „обманулъ ихъ ожиданія“.

1) Histoire du second Empire par Taxile Delord, Tome III, p. 156.

2) Klaczko, Etude de diplomatie contemporaine, page 42, и Taxile Delord tome III, p. 154.

3) Этотъ Minjard вскорѣ послѣ coup d'Etat, въ церкви Магдалины сказалъ проповѣдь политическаго характера и по требованію Наполеона III, архіепископъ парижскій запретилъ ему говорить проповѣди. Около 1860 года ему разрѣшили проповѣдывать въ церквахъ, но конечно безъ всякаго политическаго оттенка. Вотъ почему, вѣроятно, онъ обманулъ ожиданія Поляковъ. (Со словъ патера Курнандъ церкви св. Екатерины въ С.-Петербурѣ).

Поляки, проживавшіе въ Парижѣ, были разныхъ оттѣн-
ковъ; въ замѣткахъ гр. Киселева встрѣчаются слѣдующія слу-
чай обращенія Поляковъ къ нему.

„Ко мнѣ явился (31 марта 1860 г.) сынъ польскаго вы-
ходца, включеннаго въ списокъ имѣвшихъ право на Всемило-
стивѣйшую амнистію, и назвавшійся, по имени своей матери,
Соболевскимъ. Онъ говорилъ“, пишетъ графъ, „что служилъ въ
Алжирѣ, Турціи и Испаніи; что въ теченіе дня еще ничего
не ѣлъ и что пришелъ не за милостынею, но за тѣмъ, чтобы
просить помочь ему, какъ дворянинъ у дворянина, на что
считаетъ себя тѣмъ болѣе въ правѣ, что признаетъ себя под-
даннымъ Короля Польскаго—Императора Россіи; что онъ Славя-
нинъ какъ и я, что я женатъ на Полякѣ, что онъ не нищій
и проч. Все это очень хорошо, отвѣчалъ я ему, вы голодны,
но по всему вѣроятію утолили свою жажду, потому что отъ
васъ сильно несетъ виномъ, (по его глазамъ можно было ви-
дѣть, что онъ совсѣмъ пьянъ); но какъ вы рассказываете, что го-
лодны,—вотъ вамъ 100 фр., съ условіемъ, чтобы ко мнѣ бо-
лѣе не возвращались. Что же касается вашего паспорта, то
это дѣло канцеляріи, туда и обратитесь. Когда я далъ ему
такое наставленіе и вручилъ ему пять наполеоновъ,—онъ ки-
нулся цѣловать мои руки, которыя я не успѣлъ отдернуть, и
вышелъ. Такая характерическая черта не требуетъ объясненій“.

Соболевскій,
польскій выхо-
децъ.

Въ другой разъ (4 мая 1861 г.) графъ Киселевъ полу-
чилъ отъ нѣкоего Стенцеславскаго письмо, въ которомъ дѣ-
лался намекъ на покушеніе Орсини. Гр. Киселевъ передалъ
это письмо Тувенелю.

Стенцеслав-
скій, польскій
выходецъ.

Нерѣдко появлялись также въ парижскихъ газетахъ статьи
зажигательнаго свойства, поощрявшія Поляковъ къ смутамъ.
Гр. Киселевъ не пропускалъ ихъ безъ вниманія.

„Журналы „Siècle“ и „Opinion nationale“, пишетъ графъ,
„помѣстили на своихъ столбцахъ статьи о польской національ-
ности; я тотчасъ же обратилъ на нихъ вниманіе г. Лагероньера,
не потому только, что онѣ очень неумѣреннаго свойства, но
въ томъ соображеніи, что эти первыя статьи могутъ быть на-
чаломъ полемики о польскомъ вопросѣ, что желательно устра-

Парижская
пресса по по-
воду польск-
скихъ дѣлъ.

нить насколько возможно. Отвѣтъ его былъ вѣжливый, но мало успокоительный; онъ обѣщалъ удовлетворить мою просьбу, насколько это отъ него будетъ зависѣть, но говорить, что онъ также, какъ и министръ внутреннихъ дѣлъ, не въ силахъ бороться съ полемикою, которая не выходитъ изъ границъ умѣренности и не направлена противъ особы государя союзной державы“.

Пренія въ англійскомъ парламентѣ по польскимъ дѣламъ.

Въ преніяхъ англійскаго парламента также было замѣтно настроеніе въ пользу Поляковъ. Коулей нерѣдко посѣщалъ гр. Киселева и обѣдалъ съ нимъ вдвоемъ; однажды за такимъ обѣдомъ графъ спросилъ его: „почему великобританскіе министры, когда заходитъ рѣчь о Польшѣ, всегда такъ рѣзко выражаются о Россіи?“—Это, отвѣчалъ онъ, слѣдствіе недоброжелательства, которое породилось у васъ послѣ крымской войны. Въ журналахъ вашихъ, продолжалъ онъ, постоянно оскорбляли англійскій народъ; наши отвѣчали тѣмъ же, и съ тѣхъ поръ общественное мнѣніе настроилось враждебно къ политикѣ Россіи; это прискорбно во многихъ отношеніяхъ, но правительство Англіи вынуждено сообразоваться въ своихъ дѣйствіяхъ и рѣчахъ съ общественнымъ мнѣніемъ“.

Объясненіе лорда Коулей.

Болѣзненное состояніе гр. Киселева.

Здоровье графа Киселева видимо слабѣло; еще въ мартѣ мѣсяцѣ, послѣ представленія въ Тюльери прибывшаго изъ Петербурга дѣйствительнаго статскаго совѣтника Жилля (который поднесъ Наполеону III нѣсколько томовъ описаній царскосельскаго музеума) и послѣ осмотра въ то же утро, по приглашенію императора, въ нетопленномъ павильонѣ Марзанъ, присланныхъ изъ Пекина китайскихъ рѣдкостей, графъ почувствовалъ ознобъ и, чтобы согрѣться, отправился домой пѣшкомъ; на пути, онъ долженъ былъ останавливаться нѣсколько разъ вслѣдствіе головокруженій и дойдя до подъѣзда своего отеля, принужденъ былъ присѣсть на ступени лѣстницы, такъ что послѣ двухъ часовъ отдыха на диванѣ, онъ едва пришелъ въ себя. Такое состояніе его здоровья и въ особенности совѣтъ приглашеннаго доктора не выходятъ изъ дому безъ провожатаго, побудили графа заняться своими заgrab-